УДК 81-119

© 2026 О. М. Литвишко

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена исследованию языковых противоречий в современном англоязычном юридическом дискурсе. Учитывая особенности юридического английского языка, а также современные тенденции лингвистической симплификации, автор выделяет такие противоречия в языке права, как точность-избыточность, эмоциональная нейтральность-метафоричность, консервативность-инновационность, определение правовых категорий и понятий через отрицание, расхождения между универсальностью юридических формулировок и возможностью субъективной интерпретации правовой нормы, которые отражают противоречия, характерные для юридического дискурса. Исследование выполнено на материале текстов просветительского субдискурса юридического дискурса, демонстрирующих тенденции лингвистической симплификации, с использованием контент анализа, дискурс-анализа, сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что модернизация юридического языка затрагивает лишь формальную сторону коммуникации, тогда как глубинные характерные черты профессионального дискурса сохраняются и продолжают влиять на восприятие и интерпретацию правовых норм широкой аудиторией.

Ключевые слова: *юридический английский язык, юридический дискурс, лингвистическая симплификация, консервативность языка права, метафоры, формальный стиль, реформирование языка права, доступность языка права.*

© 2026 O. M. Litvishko

LINGUISTIC CONTRADICTIONS OF MODERN LEGAL DISCOURSE (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

The article is focused on the study of linguistic contradictions in modern English-language legal discourse. Taking into account the peculiarities of the legal English language, as well as modern trends in linguistic simplification, the author highlights such contradictions in the language of law as accuracy-redundancy, emotional neutrality-metaphoric character, conservatism-innovation, definition of legal categories and concepts through negation, discrepancies between the universality of legal formulations and the possibility of subjective interpretation of legal norms, which reflect the contradictions typical of legal discourse. The research is based on the texts of the popular-educational sub-discourse of legal discourse, reflecting the trends of linguistic simplification, using content analysis, discourse analysis, and comparative analysis. The author comes to the conclusion that the modernization of the legal language affects only the formal side of communication, while the deep characteristic features of professional legal discourse persist and continue to influence the perception and interpretation of legal norms by a wide audience.

Key words: *legal English, legal discourse, linguistic simplification, conservativeness of legal language, metaphors, formal style, legal language reforms, accessibility of legal language.*

Введение. Юридический английский язык является одним из самых сложных языков профессиональной коммуникации. Он обладает рядом характеристик, таких как точность,

лексическая и синтаксическая сложность [Litvishko, Shiryaeva, Golubovskaya, Mekeko, 2025], архаичность, непосредственная связь с англо-саксонской правовой культурой [Schneiderová, 2018], стилистическая двойственность и прагматическая гибкость [Durant, Leung, 2016; Tiersma, 2005]. Данные особенности выступают источником противоречий в юридическом английском языке, которые затрудняют восприятие юридических документов как профессионалами, так и широкой общественностью.

Представляется, что противоречия юридического английского языка отражают более глубокие противоречия юридического дискурса в целом, поскольку, во-первых, язык выступает своеобразным «зеркалом» правовой системы; во-вторых, юридический дискурс по своей природе конфликтен и полисемичен; в-третьих, в нем присутствуют противоположные тенденции языкового консерватизма и реформирования; в-четвертых, на протяжении всей истории развития юридический дискурс сталкивался с социокультурными вызовами; в-пятых, все вышеуказанные противоречия неизбежно отражают социальные, институциональные, интерпретативные конфликты различных агентов, включая правоохранительные и судебные органы, адвокатов, службы медиации, обычных граждан. Образно говоря, через юридический английский язык «говорит» сама правовая система со всеми ее вызовами, компромиссами и историческим наследием, демонстрируя противоречия между формой и смыслом, универсализацией и индивидуализацией, старым и новым, точностью и доступностью.

Цель предпринимаемого исследования состоит в выявлении и системном описании языковых противоречий современного англоязычного юридического дискурса, в том числе в их взаимосвязи с интерпретацией правовых норм и правоприменительной практикой. **Объектом** исследования выступает англоязычный юридический дискурс на современном этапе его развития, **предметом** – языковые противоречия и их проявления в юридическом английском языке, что, как представляется, обусловлено социокультурными и историческими факторами, повлиявшими на становление и развитие англоязычного юридического дискурса.

Исследование фокусируется на таких противоречиях юридического английского языка, как точность-избыточность в изложении и выражении правовых норм, эмоциональная нейтральность-метафоричность языка права, его консервативность-инновационность, определение правовых категорий и понятий через отрицание, а также расхождения между универсальностью юридических формулировок и возможностью субъективной интерпретации правовых норм.

Исследование проведено на **материале** четырех изданий популярного характера,

представляющих собой просветительский субдискурс англоязычного юридического дискурса. Их ориентированность на массового, непрофессионального адресата соответствует современным тенденциям симплификации юридического языка, однако, несмотря на их межжанровый статус, тексты в таких изданиях сохраняют базовые характеристики юридического языка, поскольку содержат такие элементы, как термины, юридические речевые обороты, примеры усложненного синтаксиса. Выбор материала исследования обусловлен стремлением доказать гипотезу о том, что, несмотря на повышение доступности юридического английского языка, в нем по-прежнему присутствуют противоречия, свойственные юридическому дискурсу в целом: сочетание тенденций к упрощению и сохранению традиционных лексических и синтаксических приемов, полисемии и неоднозначности терминов, а также конфликтности интерпретаций – все это составляет неизменную суть юридического английского, даже в популярных образовательных изданиях. Проведенное исследование подтверждает, что модернизация юридического языка затрагивает лишь формальную сторону коммуникации, тогда как глубинные характерные черты профессионального дискурса сохраняются и продолжают влиять на восприятие и интерпретацию правовых норм широкой аудиторией.

Исследование проведено с использованием контент анализа, элементов дискурс-анализа, сравнительного анализа.

Теоретические основы исследования. Теоретическую основу исследования составляют работы в области теории дискурса, профессиональных типов дискурса, институциональных видов дискурса, дискурсивной комплексологии и теории лингвистической симплификации.

Подходы к анализу дискурса, описанные в исследовании М. Л. Макарова [Макаров, 2003], имеют прямое отношение к юридическому дискурсу, поскольку юридический текст и коммуникация всегда зависят не только от формальных языковых норм, но и от прагматических, социокультурных и когнитивных факторов. Формирование смыслов, в частности, в ситуациях неоднозначного толкования норм, требует принятия во внимание многих аспектов юридического дискурса, включая анализ интенциональности, коммуникативных ролей участников, равно как и стратегий и категорий контекста. Отдельно необходимо выделить значимость сформулированного автором принципа интерсубъективности общения для анализа юридического дискурса, поскольку он предполагает учет целей, мотивов, ожиданий участников в практике интерпретации правовых норм и их последующего применения [Макаров, 2003].

Теория «ситуационных моделей» Т. А. ван Дейка [ван Дейк, 2000], объединяющая знания участников судебного процесса, их институциональные представления, стереотипы, фреймы и сценарии, указывает на высокую значимость социальных и когнитивных моделей для понимания юридических текстов. Такой подход позволяет рассматривать юридические тексты с учетом социально-культурных и когнитивных факторов и требует анализа всего правового контекста, включая правовые нормы, социальные роли коммуникантов, их ожидания и типичные модели и стратегии взаимодействия.

Понимание юридического дискурса как одного из институциональных видов дискурса со всеми присущими ему признаками институциональности, четко обозначенными в работе В. И. Карасика [Карасик, 2000], актуализирует, помимо языковых и прагматических особенностей, проведение анализа статусно-ролевых параметров участников различных жанров и форм коммуникации в рамках юридического дискурса, институциональных целей и ритуальных стратегий коммуникации, что позволяет выявить устойчивость шаблонов общения и присущих им языковых характеристик.

Исследования языковой сложности и сложности текста, пересекающиеся в новом направлении – дискурсивной комплексологии, разрабатываемом представителями научной школы «Дискурсивная комплексология» Казанского федерального университета [Солнышкина, Макнамара, Замалетдинов, 2022; Солнышкина, Соловьев, Гафиятов, Мартынова, 2022], способствуют выявлению противоречий в юридическом дискурсе, обусловленных использованием в языке права ряда единиц, выступающих маркерами сложности [Litvishko, Shiryaeva, Golubovskaya, Mekeko, 2025].

Первые попытки научно обосновать необходимость в упрощении юридического английского языка представлены в трудах Д. Меллинкоффа [Mellinkoff, 1963]. Впоследствии англоязычными исследователями была опубликована целая серия работ, описывающих особенности юридического английского языка, обусловливающие трудности в восприятии и юристами, и простыми гражданами, а также предложены практические рекомендации по его упрощению [Cutts, 2020; Goldstein, Lieberman, 2003; Martineau, 1991; Tiersma, 1999; Williams, Bizup, 2017].

Сегодня под воздействием инициатив «Движения за простой английский» зарубежными авторами активно разрабатывается теория лингвистической симплификации. Предлагаются различные стратегии упрощения, в том числе автоматические методы упрощения юридических текстов, разработанные на базе искусственного интеллекта (ИИ) [Matusiak, 2024; Riera, 2015; Zimina-Poirot, M., Gledhill, Ch., Bouyé, 2025]. Некоторые ее положения, в частности, стремление преодолеть

проблему архаизации и избыточности лексики в юридическом английском языке, переосмыслены нами в соответствии с целями проведенного исследования.

Результаты исследования. Анализ материала исследования выявил следующие противоречия юридического английского языка: точность формулирования правовых норм – лексическая избыточность; формальность и эмоциональная нейтральность юридического стиля – метафоризация; консервативность лексики и синтаксиса – пополнение лексического состава неологизмами; недвусмысленность формулировок – определение юридических понятий через отрицание; универсальность утверждения – субъективность толкования нормы.

Рассмотрим детально каждое из противоречий.

1. Одним из характерных признаков юридического английского языка является частое использование парных синонимов (дублетов) или синонимических конструкций, включающих три синонима (триплетов). Исторически их наличие в языке объясняется стремлением к устранению смысловых неясностей, которые могли возникнуть в ситуации, когда юридический язык не был исключительно английским. Напомним, что до конца XIV в. правовая коммуникация осуществлялась на трех языках: официальные документы фиксировались на латыни, устная судебная коммуникация велась на юридическом французском, а коммуникация профессионалов с непрофессионалами – на древнеанглийском и древнескандинавском, которые выступили источником ряда стилистических приемов, в частности, аллитерации и ассонанса в парных и тройных синонимах [Schneiderová, 2018: 119-121].

Тем не менее, достаточно противоречиво выглядит выражение точности, достигаемой посредством лексической избыточности. Представляется, что избыточность, напротив, снижает точность, особенно если существует необходимость в адаптации юридического текста для массового читателя.

Judges and court administrators should do whatever is possible to provide a ***fair and impartial*** *process and prevent an unfair disadvantage to self-represented persons* [CLHL, 03.06.2021: 2] ‘Судьи и судебные администраторы должны делать все возможное, чтобы обеспечить справедливый и беспристрастный судебный процесс и предотвратить несправедливое ущемление прав лиц, представляющих свои интересы’.

A judge cannot provide you with legal advice or tell you how to protect your rights or how to run your case. They must remain ***neutral and unbiased****. A judge will, however, provide you with information about the process and help* ***explain and clarify*** *what is happening*

[CLHA, 19.10.2021: 7] ‘Судья не может предоставить вам юридическую консультацию или подсказать, как защитить ваши права или как вести ваше дело. Он должен оставаться нейтральным и непредвзятым. Однако судья предоставит вам информацию о процессе и поможет объяснить и разъяснить, что происходит’.

В приведенных выше примерах фиксируем три пары синонимов – *fair and impartial, neutral and unbiased, explain and clarify.* Полагаем, что использование одного компонента из каждой пары синонимов способствовало бы бóльшей точности формулировок без потери смысла.

2. Важными особенностями юридического дискурса являются объективность, строгость и эмоциональная нейтральность формулировок, обеспечивающие универсальность интерпретации норм. Возможность субъективного толкования исключается за счет отсутствия экспрессивных, эмоционально окрашенных лексем. Однако юридический английский язык в высокой степени метафоричен – при всей присущей ему рациональности он часто прибегает к метафоре как способу создания понятного образа, скрытой аргументации или даже средства речевого манипулирования. Юридическая «стертая» метафора выступает инструментом когнитивного осмысления абстрактных понятий, «наделяя конкретные предметы законодательной регламентации качествами, способствующими их адекватной интерпретации» [Литвишко, Цолоева, Черноусова, 2024: 100].

The nation's personal injury tort system, rather than being simply a single monolithic tort system, is actually THREE different tort "worlds", with each "world" having its own distinct class of characteristics, growth rates, jury verdict trends, legal dynamics and cost and compensation profiles [Anosike, 1998: 8] ‘Национальная система рассмотрения деликтов о телесных повреждениях, вместо того чтобы быть просто единой монолитной системой рассмотрения деликтов, на самом деле представляет собой ТРИ различных «мира», каждый из «миров» имеет свой собственный класс характеристик, темпы роста, тенденции вынесения вердиктов присяжными, юридическую динамику и характеристики затрат и компенсаций’.

В приведенном примере содержится концептуальная метафора *деликтное право – отдельный мир*, представляя систему права как универсум со своей четкой структурой, иерархией. Несмотря на представление о праве как о целостной системе, разделение на миры помогает создать образное и наглядное представление о его внутренней дифференциации и комплексности, а также демонстрирует замкнутость, дискретность, независимость элементов в рамках более сложной системы. Развитие метафоры

выражается в переносе характеристик «мира» на абстрактные юридические понятия – *growth rates, jury verdict trends, dynamics, profiles*, наделяя их качествами человека (*profiles*) и других социальных образований (*rates, trends, dynamics*) – сообществ, культур, экономических систем.

3. Переходя к анализу противоречия, состоящего в консервативности юридической лексики и синтаксиса и активном пополнении юридического языка неологизмами, необходимо особо подчеркнуть тот факт, что сохранение архаизмов в юридических текстах часто рассматривается как признак профессиональной правовой идентичности. Существенная доля юридической лексики и синтаксических средств, в частности клишированные фразы, местоименные наречия, союзы, совсем не используется в общеупотребительном английском языке, однако, сохраняясь в юридическом языке, они обеспечивают консервативность языка и самой правовой системы. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что такие единицы создают непреодолимый барьер между юристами и простыми гражданами, делая правовые тексты трудными для понимания неспециалистами.

Under *the legal doctrine of tort,* ***it is held that under*** *any given circumstance,* ***each and every*** *individual owes the other a legal duty, which exists* ***by virtue of*** *society's expectations* ***regarding*** *interpersonal conduct, rather than by contract or other private relationship* [Anosike, 1998: 7] ‘Согласно правовой доктрине деликта, считается, что при любых обстоятельствах каждый человек имеет по отношению к другим людям юридические обязательства, которые существуют в силу ожиданий общества относительно межличностного поведения, а не в силу договорных или других частных отношений’.

В примере выше содержится несколько оборотов, традиционно используемых в юридических текстах. Помимо следования характерной для юридического дискурса структуре предложения, в примере содержатся юридические фразы-клише *under …, it is held that, by virtue of …,* а также парный синоним *each and every,* которые в целом присущи юридическому канцелярскому стилю письма, демонстрируя его консервативность.

Тем не менее, нельзя не отметить тот факт, что юридический английский язык является одним из наиболее восприимчивых к вхождению новых единиц. Как справедливо в связи с этим наблюдением отмечает П. Тирсма, языку права свойственна определенная степень инновационности, поскольку он успешно адаптируется к социально-политическим изменениям, затрагивающим и общество, и его материальную культуру [Tiersma, 2008: 17].

Примерами неологизмов выступают единицы *unbundled services* и *summary advice counsel,* появление которых в английском языке связано с высокой стоимостью профессиональных услуг юристов и нежеланием или неспособностью граждан оплатить полный спектр услуг адвоката.

A lawyer might provide limited services to a client. Lawyers call these services "unbundled" or "limited scope" legal services. If you think you can handle some parts of your case, you can pay a lawyer to do the parts that you cannot do. It is an arrangement where you pay only for what you want. It is a mid-way option between full legal representation and no legal representation [CLHA, 19.10.2021: 9] ‘Юрист может предоставлять клиенту ограниченные услуги. Юристы называют эти услуги «единичными» или юридическими услугами «ограниченного объема». Если вы считаете, что можете справиться с некоторыми частями вашего дела, вы можете заплатить адвокату за выполнение тех частей, которые вам не по силам. Это соглашение, при котором вы платите только за то, что хотите. Это промежуточный вариант между полным юридическим представительством и отсутствием юридического представительства’.

В примере выше используется не только неологизм, но также дается его развернутое объяснение. Понимая, что данный неологизм является юридическим жаргонизмом-метафорой, представляется очень удобным наличие его дефиниции в самом тексте.

Следующий неологизм *summary advice counsel* использован в двух текстах [CLHL, 03.0.2021: 102; CLHA, 19.10.2021: 115], но ни в одном из них нет объяснения термина. Буквальный перевод *краткая консультация юриста* акцентирует внимание на временно́й характеристике, однако, полагаем, она не является первостепенной для правильного понимания термина. Объяснение, предложенное на сайте одной из юридических компаний Канады, наиболее точно передает смысл термина как нового формата юридических услуг, заключающегося в оказании разовой, однократной консультации или юридического сопровождения на определенном этапе:

Summary advice is a one-time appointment with a lawyer to get advice or assistance with your case or issue [LAS] ‘Однократное консультирование – разовая встреча с юристом для получения консультации или помощи по вашему делу или проблеме’.

4. Еще одним требованием к юридическому языку и его особенностью является недвусмысленность формулировок, однако этому противоречат частые случаи дефиниции правовых понятий и категорий через отрицание.

You do not need to prove that you are ***not guilty:*** *the obligation of establishing guilt beyond a reasonable doubt is only on the Crown* [CLHA, 19.10.2021: 15] ‘Вам не нужно

доказывать, что вы невиновны: обязанность по установлению вины вне всякого разумного сомнения лежит только на Короне’.

Термином *not guilty* принято обозначать не абсолютную невиновность лица, а его правовой статус, когда стороной обвинения не доказана его вина по определенным судом критериям. То есть, исходя из презумпции невиновности, лицо невиновно, пока не доказано обратное. Иными словами, термин обозначает юридический статус не через утверждение качества, а через его отсутствие. Таким образом, можно утверждать, что в англо-саксонской системе фокус сделан не на сущностных признаках личности или оценке его действий, а на критериях доказанности, что, с одной стороны, выступает особой характеристикой юридической логики, формируя уникальную практику принятий решений, с другой, исключает возможность субъективной оценки действий обвиняемого. Суть противоречия в данном примере сводится к невиновности лица не по факту несовершения преступления, а по факту недоказанности вины. Язык в этом случае выступает средством фиксации нормативного критерия и активным участником юридического процесса.

Only evidence that is ***not privileged*** *(excluded for some legal reason), but is relevant and material to your case is allowed to be presented in court* [CLHA, 19.10.2021: 45] ‘Только те доказательства, которые не являются привилегированными (исключены по какой-либо юридической причине), но имеют отношение к вашему делу и существенны для него, могут быть представлены в суде’.

Определение доказательств при помощи отрицания в сопровождении лексемы с негативной коннотацией *to exclude*, представленное в вышеприведенном примере, увеличивает когнитивную нагрузку на адресата, создавая поле для неоднозначности толкования и требуя дополнительных усилий, чтобы установить, какие доказательства разрешены, а какие нет.

5. Еще одним, на наш взгляд, серьезным противоречием юридического английского языка, создающим трудности в толковании правовых норм, является противоречие между универсальностью утверждения и возможностью его субъективного толкования. Англоязычные юридические тексты часто содержат такие фразы, как *beyond a reasonable doubt, best efforts, best approach, a material fact, to be relevant and material (to the case),* которые трудно интерпретировать однозначно ввиду их оценочности и семантической неопределенности.

You do not need to prove that you are not guilty: the obligation of establishing guilt ***beyond a reasonable doubt*** *is only on the Crown* [CLHA, 19.10.2021: 15] ‘Вам не нужно доказывать, что вы невиновны: обязанность по установлению вины вне всякого разумного сомнения лежит только на Короне’.

В примере выше использована фраза *beyond a reasonable doubt*, которая является «частью инструкций для присяжных заседателей во всех уголовных процессах, в которых присяжным заседателям сообщается, что они могут признать подсудимого виновным только в том случае, если они убеждены «вне всяких разумных сомнений» в его виновности. Иногда эта фраза соотносится в значении с «моральной уверенностью», полна неопределенности и означает что-то вроде «вам лучше быть чертовски уверенным» [LD].

То есть данный термин не имеет фиксированной «величины» или какого-либо универсального критерия измерения или оценки, соответственно, решение зависит только от внутреннего убеждения судьи или коллегии присяжных, что, соответственно, переводит интерпретацию ситуации на уровень субъективной оценки.

Подводя итог, отметим, что выявленные противоречия юридического английского языка отражают более глубокие противоречия юридического дискурса и англо-саксонской системы права в целом. Устойчивость противоречий связана с исторической инерцией, консерватизмом профессионального юридического сообщества и защитой профессиональных границ. Язык, со всеми его специфическими особенностями и противоречивыми тенденциями, в современных условиях активизации реформ выступает барьером, замедляющим эволюцию правовой сферы в направлении большей доступности и инклюзивности.

Заключение. На основании проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что англоязычный юридический дискурс представляет собой не просто систему языковых формул и терминов, а уникальное пространство выраженных при помощи языковых средств противоречий между точностью и доступностью, традицией и обновлением, универсальностью и субъективностью. Разрешение этих противоречий неизбежно требует диалога и усилий представителей различных областей знания. Пока же язык права продолжает оставаться сложным, но открытым к новым социокультурным и технологическим вызовам, представляя обширный материал для лингвистического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

2. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. С. 25-33.

3. Литвишко О. М., Цолоева С. Б., Черноусова Ю. А. Юридическая метафора в структуре профессионального языкового сознания: лингвопрагматический аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 4. С. 98-111. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-4-98-111.

4. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

5. Солнышкина М. И., Макнамара Д. С., Замалетдинов Р. Р. Обработка естественного языка и изучение сложности дискурса // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 2. С. 317-341. DOI: https://doi.org/10.22363/2687-0088-30171.

6. Солнышкина М. И., Соловьев В. Д., Гафиятова Э. В., Мартынова Е. В. Сложность текста как междисциплинарная проблема // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 18-39. DOI: https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-1-18-39.

7. Cutts M. Oxford Guide to Plain English. Oxford University Press, 2020. 342 p.

8. Durant A., Leung J. Language and Law: A Resource Book for Students. Routledge, 2016. 258 p.

9. Goldstein T., Lieberman J. K. The Lawyer's Guide to Writing Well. University of California Press, 2003. 287 p.

10. Litvishko O., Shiryaeva T., Golubovskaya E., Mekeko N. Why English Legal Discourse is Difficult to Understand // International Journal of Arabic-English Studies. 2025. Vol. 25. Iss. 1. P. 403-430. DOI: https://doi.org/10.33806/ijaes.v25i1.675.

11. Martineau R. J. Drafting Legislation and Rules in Plain English. University of Cincinnati, 1991. 180 p.

12. Matusiak R. Simplifying the Complex: Nominalisation and Passivisation in Legal (Sub)language and Plain English // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Bankowej w Poznaniu. 2024. Vol. 106. Iss. 3. P. 85-106. DOI: https://doi.org/10.58683/dnswsb.2015.

13. Mellinkoff D. The Language of the Law. Boston-Toronto: Little, Brown and Company, 1963. 552 p.

14. Riera C. Plain English in Legal Language: A Comparative Study of Two UK Acts of Parliament // Alicante Journal of English Studies. 2015. Vol. 28. P. 147-163. DOI: https://doi.org/10.14198/raei.2015.28.08.

15. Schneiderová A. Historical Background to English Legal Language. Journal of Modern Science. 2018. Vol. 37. Iss. 2. P. 117-126. DOI: https://doi.org/10.13166/jms/92522.

16. Tiersma P. M. Language of Legal Texts. In: Encyclopedia of Language and Linguistics // Elsevier. K. Brown (ed.). 2005. P. 549-556.

17. Tiersma P. M. Legal Language. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 314 p.

18. Tiersma P. M. The Nature of Legal Language // Dimensions of Forensic Linguistics. Gibbons J., Turrel T. (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2008. P. 2-27.

19. Williams J. M., Bizup J. Style: Lessons in Clarity and Grace. Pearson, 2017. 246 p.

20. Zimina-Poirot M., Gledhill Ch., Bouyé M. Towards Clear, Simple, and Inclusive Legal Language – Exploring Generative Artificial Intelligence (GAI) Models as Content Rephrasing Assistants in Multilingual Settings // International Journal of Language & Law. 2025. Vol. 14. P. 143-173. DOI: https://doi.org/10.14762/jll.2025.143.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

LD – Legal Dictionary. Available at: https://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=59. (Accessed: 25.10.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

1. Anosike B. O. How to Settle Your Own Auto Accident Claim Without a Lawyer. Newark: Do-It-Yourself Legal Publishers, 1998. 221 p.

2. CLHL – Civil Law Handbook for Self-Represented Litigants. Canadian Judicial Council. 03.06.2021. Available at: https://cjc-ccm.ca/sites/default/files/documents/2021/Civil%20handbook%20-%20EN%20MASTER%20rev1%202021-06-03.pdf. (Accessed: 25.10.2025).

3. CLHA – Criminal Law Handbook for Self-Represented Accused. Canadian Judicial Council. 19.10.2021. Available at: https://cjc-ccm.ca/sites/default/files/documents/2021/Criminal%20%20Handbook%20-%20EN%20MASTER%202021-10-19.pdf. (Accessed: 25.10.2025).

4. LAS – Legal Aid Services Available in Nova Scotia. Available at: https://www.nslegalaid.ca/what-we-do/what-legal-services-provided/. (Accessed: 25.10.2025).

5. Warner R. Everybody's Guide to Small Claims Court. Berkley. California: Nolo, 2016. 423 p. Available at: https://archive.org/details/everybodysguidet15edwarn. (Accessed: 25.10.2025).

REFERENCES

1. Dijk, T. A. van. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveschensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene. (In Russ.).

2. Karasik, V. I. (2000). Struktura institutsionalnogo diskursa [Structure of Institutional Discourse]. In *Problemy rechevoy kommunikatsii*. Saratov: Saratovskiy natsionalnyy issledovatelskiy gosudarstvennyy universitet imeni N. G. Chernyshevskogo. Pp. 25-33. (In Russ.).

3. Litvishko, O. M., Tsoloeva, S. B., Chernousova, Yu. A. (2024). Yuridicheskaya metafora v strukture professionalnogo yazykovogo soznaniya: lingvopragmaticheskiy aspekt [Legal Metaphor in the Structure of Professional Linguistic Consciousness: Linguo-pragmatic Aspect]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No 4. Pp. 98-111. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-4-98-111. (In Russ.).

4. Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of Discourse Theory]. Moscow: ITDGK «Gnozis». (In Russ.).

5. Solnyshkina, M. I., Mcnamara, D. S., Zamaletdinov, R. R. (2022). Obrabotka estestvennogo yazyka i izuchenie slozhnosti diskursa [Natural Language Processing and Studying Discourse Complexity]. In *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 26. No 2. Pp. 317-341. DOI: https://doi.org/10.22363/2687-0088-30171. (In Russ.).

6. Solnyshkina, M. I., Solovev, V. D., Gafiyatova, E. V., Martynova, E. V. (2022). Slozhnost teksta kak mezhdisciplinarnaya problema [Text Complexity as an Interdisciplinary Issue]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No 1. Pp. 18-39. DOI: https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-1-18-39. (In Russ.).

7. Cutts, M. (2020). *Oxford Guide to Plain English*. Oxford University Press.

8. Durant, A., Leung, J. (2016). *Language and Law: A Resource Book for Students*. Routledge.

9. Goldstein, T., Lieberman, J. K. (2003). *The Lawyer's Guide to Writing Well.* University of California Press.

10. Litvishko, O., Shiryaeva, T., Golubovskaya, E., Mekeko, N. (2025). Why English Legal Discourse is Difficult to Understand. In *International Journal of Arabic-English Studies*. Vol. 25. Iss. 1. Pp. 403-430. DOI: https://doi.org/10.33806/ijaes.v25i1.675.

11. Martineau, R. J. (1991). *Drafting Legislation and Rules in Plain English*. University of Cincinnati.

12. Matusiak, R. (2024). Simplifying the Complex: Nominalisation and Passivisation in Legal (Sub)language and Plain English. In *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Bankowej w Poznaniu*. Vol. 106. Iss. 3. Pp. 85-106. DOI: https://doi.org/10.58683/dnswsb.2015.

13. Mellinkoff, D. (1963). *The Language of the Law*. Boston-Toronto: Little, Brown and Company.

14. Riera, C. (2015). Plain English in Legal Language: A Comparative Study of Two UK Acts of Parliament. In *Alicante Journal of English Studies*. Vol. 28. Pp. 147-163. DOI: https://doi.org/10.14198/raei.2015.28.08.

15. Schneiderová, A. (2018). Historical Background to English Legal Language. In *Journal of Modern Science.* Vol. 37. Iss. 2. Pp. 117-126. DOI: https://doi.org/10.13166/jms/92522.

16. Tiersma P. M. (2005). Language of Legal Texts. In K. Brown (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics.* Elsevier. Pp. 549-556.

17. Tiersma, P. M. (1999). *Legal Language.* Chicago: University of Chicago Press.

18. Tiersma, P. M. (2008). The Nature of Legal Language. In Gibbons J., Turrel T. (eds.). *Dimensions of Forensic Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins Publishing. Pp. 2-27.

19. Williams, J. M., Bizup J. (2017). *Style: Lessons in Clarity and Grace.* Pearson.

20. Zimina-Poirot, M., Gledhill, Ch., Bouyé, M. (2025). Towards Clear, Simple, and Inclusive Legal Language – Exploring Generative Artificial Intelligence (GAI) Models as Content Rephrasing Assistants in Multilingual Settings. In *International Journal of Language & Law*. Vol. 14. Pp. 143-173. DOI: https://doi.org/10.14762/jll.2025.143.

LEXICOGRAPHIC SOURCE

LD – Legal Dictionary. Available at: https://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=59. (Accessed: 25.10.2025).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Anosike, B. O. (1998). *How to Settle Your Own Auto Accident Claim Without a Lawyer*. Newark: Do-It-Yourself Legal Publishers.

2. CLHL – *Civil Law Handbook for Self-Represented Litigants*. Canadian Judicial Council. 03.06.2021. Available at: https://cjc-ccm.ca/sites/default/files/documents/2021/Civil%20handbook%20-%20EN%20MASTER%20rev1%202021-06-03.pdf. (Accessed: 25.10.2025).

3. CLHA – *Criminal Law Handbook for Self-Represented Accused*. Canadian Judicial Council. 19.10.2021. Available at: https://cjc-ccm.ca/sites/default/files/documents/2021/Criminal%20%20Handbook%20-%20EN%20MASTER%202021-10-19.pdf. (Accessed: 25.10.2025).

4. LAS – *Legal Aid Services Available in Nova Scotia*. Available at: https://www.nslegalaid.ca/what-we-do/what-legal-services-provided/ (Accessed: 25.10.2025).

5. Warner, R. (2016). *Everybody's Guide to Small Claims Court. Berkley*. California: Nolo. Available at: https://archive.org/details/everybodysguidet15edwarn. (Accessed: 25.10.2025).

Литвишко Ольга Михайловна *– кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»*
(пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, Российская Федерация, 357532)
E-mail: olitvishko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8430-8501
SPIN-код: 6539-2336.

Litvishko Olga M. *– Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of English and Professional Communication Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» (9 Kalinina, Pyatigorsk, Russian Federation, 357532)*

E-mail: olitvishko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8430-8501
SPIN-код: 6539-2336.

Поступила в редакцию 18 ноября 2025 г.